

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА

Последний человек

Избранное

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Н63

Публикуется в авторской редакции

Николаева О.

Н63 Последний человек : Избранное : [стихотворения] / Олеся Николаева. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 479 с. — (Серия «Часть речи»).

ISBN 978-5-517-07425-6

Поэзию Олеси Николаевой отличают описательность, тяготение к жанру стихотворения в прозе, эстетизация деталей и стремление рассмотреть в них метафизические смыслы. Выраженная религиозность образует особый стиль автора.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07425-6

© Николаева О., 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

I
СЛОЖНЫЙ ГЛАГОЛ — «БЫТЬ»

* * *

Текст твердя молодой и кондовый,
подбоченясь, с улыбкой стальной,
я хочу быть богатой-здоровой,
а не бедной-усталой-больной!

Моря! солнца! вина! винограда!..
И услышала я с высоты:
— Всё, что хочешь, Я дам тебе, чадо,
но без этого ближе Мне ты!

1979

ПОД ОБЛАКАМИ МОЮ ОКНА

Под облаками мою окна,
и тряпки мокрые в руках,
чтоб засверкало все, что блекло,
Я мою окна в облаках.

Как чудно — смыть, отмыть, умыться —
долой все пятна и следы!
и стать лишь света ученицей
и стать помощницей воды!

Какое крошечное дело,
а кажется — уже вот-вот
все, что пылилось и тускнело,
на солнце весело блеснет.

Как ветер схож по звуку с альтом!
И музыка — уже близка, —
как ливень, грянет над асфальтом,
и — отразит он облака!

1971

ПУТЬ ДОМОЙ

Когда из больницы Филатовской
забрали меня наконец,
со мною был дух ординаторской
и лампочки голой свинец.

Я шла среди мартовской сырости,
сутулясь, шарахаясь в грязь,
успев неожиданно вырасти,
но к миру не приноровясь.

Тут что-то творилось с прохожими,
тут свет по-иному зажгли,
как будто бы мертвые ожили
и в вечность толпою пошли.

И будто единою арфою
пронизан был гомон дневной,
и Лазарь с Марией и Марфою
шли, кажется, рядом со мной.

1975

В ДЕТСКОЙ

Мальчик, усни...

Это — комната детская.

Это не ты — искушенный и опытный:
рядом облезлая кукла немецкая —
слушатель и утешитель безропотный.

Не для того ль ты, дурной, заблудившийся,
рыскал и плакал ночами ненастными,
чтобы проснуться от жизни приснившейся
в утренней комнате с окнами ясными?

1976

НА ДАЧЕ У СТАНИСЛАВА НЕЙГАУЗА

Мы долго бродили по снегу и мраку,
мы долго бродили, как бродит вино,
съестные припасы скормили собакам,
и снег ворошили, и было темно.

Все было, как было и как нам казалось:
скрипела калитка, краснело лицо,
входили, звонили, и дверь открывалась,
и к нам музыкант выходил на крыльцо.

Он сед был, как страус, и странен, как кактус.
Он звал нас войти и теплом обдавал,
и казус прихода и лепета казус
лепили лица его бледный овал.

И жизнь становилась теплей обещанья
и тщила разгадывать тайну лица:
он весь был — прощенье, он весь был — прощанье,
прощанье вне времени и без конца.

И было в нем все изначально и зыбко:
скорее он верил в изгиб, чем в размах.
И он улыбался, но эта улыбка
лишь губа ломала, но стыла в глазах.

Казалось, он только касался — не трогал,
ступал, а не шел, принося нам еду.
И плавали тихо в нем боль и тревога,
как плавают листья в осеннем пруду.

И вся паутина знакомства, опаски,
и полуулыбок, и полуречей
прочнее была, чем весь домик с терраской,
зимы и созвездия в небе прочней!